

УТВЕРЖДАЮ:

Заместитель директора по научной работе
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт филологии
Российской академии наук
доктор филологических наук

Ким Игорь Ефимович

«26» ноября 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук на диссертационную работу **Гальковой Алёны Вадимовны** «Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (М. В. Добужинский, А. Н. Бенуа, К. А. Коровин)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Тему диссертационной работы Алёны Вадимовны Гальковой «Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, К.А. Коровин)» вполне можно признать **актуальной**: исследовательница справедливо отмечает, что в литературоведческом ракурсе мемуарная проза русских художников XX в. описывается достаточно редко, а она предлагает именно такой подход как раз в тот момент, когда мы видим, как стремительно растет интерес к наследию художников-эмигрантов, в том числе и к наследию литературному. О росте этого интереса свидетельствуют регулярные переиздания воспоминаний и писем А.Н. Бенуа¹, роскошное издание полного варианта воспоминаний К.А. Коровина², издание египетских дневников и писем И. Билибина³, фрагментов мемуаристики и эпистолярия Е. Лансере, Л. Бакста и мн. др.

При обдумывании формулировки темы у нас возник вопрос к автору исследования. Двух из выбранных художников объединяет принадлежность «Миру искусства», не лучше ли было бы добавить для полноты картины мемуары других мирискусников, того же И. Билибина, например, и не касаться К.А. Коровина? Коровин, конечно, сотрудничал с объединением «Мир искусства», участвовал в выставках, организованных Бенуа, но изначально художественные принципы Коровина были иными, в его манере меньше декоративности, больше «русского импрессионизма», к тому же, он представляет не петербургское, как Бенуа и Добужинский, а московское направление живописи и ее теории.

Впрочем, для автора исследования все это не имеет значения, поскольку особенности, объединяющие прозу выбранных авторов, просты, понятны и могут быть

¹ Одно из последних: *Бенуа А.Н.* Дневник 1908-1916 годов. М.: Захаров, 2016. 560 с.; Он же. Дневник 1916-1918 годов. 768 с.; М.: Захаров, 2016. 560 с.; Он же. Дневник 1918-1924 годов. М.: Захаров, 2016. 816 с.

² *Коровин К.А.* «То было давно... там... в России...»: Воспоминания, рассказы, письма: в 2 кн. / сост., вступ. ст. Т.С. Ермолаевой; примеч. Т.С. Ермолаевой и Т.В. Есиной. 3-е изд. М.: Русский путь, 2012.

³ *И.Я. Билибин* в Египте (1920–1925): Письма, документы и материалы. М.: Русский путь, 2009. 320 с.

отнесены к воспоминаниям вообще любого художника любого направления, времени и стиля: это экфрастичность, словесная портретность, пейзажность, стремление к «синтезу искусств». Попытка представить опыт аналитики памятников мемуарно-биографической прозы художников-эмигрантов составляет **теоретическую значимость исследования**. Но, конечно, в основе диссертационных научных работ хотелось бы видеть большую оригинальность, поиск тех особенностей, которые характеризовали бы не все подряд тексты мемуарно-биографической природы, а только тексты конкретных, выбранных для исследования авторов.

Поскольку целью диссертации стало обнаружение самых общих свойств мемуаристики художников, введение к диссертации содержит традиционные теоретические положения: **методологической базой исследования** послужили искусствоведческие, литературоведческие и культуролого-философские труды по хорошо осмысленным современной наукой проблемам мнемонической природы мемуаристики, экфрастичности сознания художников и писателей и т.п. **Новизна исследования** определяется введением в литературоведческий оборот редкого и малоизученного материала. Три объемных мемуарных книги: «Мои воспоминания» Бенуа, «Воспоминания» Добужинского и «Моя жизнь» Коровина, – послужили **материалом** исследования.

Итак, **цель** работы состоит в том, чтобы ввести в область внимания литературоведческой науки мемуаристическую прозу русских художников-эмигрантов: Бенуа, Добужинского и Коровина. **Задачи** подчинены этой цели: в диссертации последовательно названы основные темы мемуарной прозы художников, обзор основных тем дан достаточно подробно.

Словесное творчество Бенуа – мощного художественного критика, основоположника целого направления искусства и искусствоведения, во многом определившего пути эволюции дореволюционной русской и эмигрантской культуры, основателя первого модернистского журнала, – неотделимо от почти не упоминаемого в диссертации контекста русской и западной журнальной культуры и художественной критики первой половины XX в. Библиография диссертации довольно объемна, но в ней, к сожалению, не нашлось места ни одному модернистскому журналу («Мир искусства», «Аполлон», «Золотое руно», «Весы» не названы, а кое-что из этого доступно даже в сети), ни одной газете, такой, например, как кадетская «Речь», где у Бенуа была своя рубрика, или такой, как парижские «Последние новости», где часто появлялись материалы об изобразительном искусстве и судьбах художников эмиграции. Если периодика и упоминается в работе, то по чужим цитатам. Нам кажется, что исследование о Бенуа, Добужинском и Коровине хорошо было бы начать от истоков, то есть от просмотра тех изданий, в которых публиковали свои произведения эти авторы.

Хорошо, что в работе много внимания уделяется общекультурным аксиомам, но жаль, что почти не сделана опора на историю изучения наследия каждого из авторов. С одной стороны, это понятно, долгие годы творчество эмигрантов было малодоступным и малоизучаемым. И сегодняшние работы на темы, подобные той, что избрала для себя диссертантка, конечно, восполняют этот пробел. Однако речь в диссертации идет о таких фигурах, о которых нельзя было умалчивать даже в советское время, поэтому традиция изучения стилистики мирискусников не прерывалась. Было бы полезно учесть все этапы этой традиции. Лишь в одном параграфе интересно представлена полемика между Е.Е. Климовым и Г.И. Чугуновым (с. 59 диссертации), издававшими прозу Добужинского

в советское время, а в историю изучения творчества Бенуа и Коровина диссертантка почти не погружается.

Хотелось бы напомнить о не замеченной диссертанткой монографии ученика Н.Н. Пунина Вс. Петрова о «Мире искусства»⁴. Это уникальный труд, созданный в советское время. Подобно мирискусникам, Вс. Петров был не только знатоком живописи и графики, но и писателем (Вл. Эрль и Н. Николаев в «Новом мире» за 2006 г. опубликовали его повесть «Турдейская Манон Леско»), досконально понимавшем поэтику всех «петербургских» течений словесности и изобразительного искусства XX в.

В монографии Вс. Петрова сформулированы отличительные черты поэтики мирискусников, которые касаются как художественного, так и словесного их творчества, причем куда более конкретные, чем в предлагаемой диссертации: не как таковая ориентация на прошлое, отмечаемая исследовательницей, а стилизация определенных эпох и жанров прошлого: галантный век, рококо, парадный портрет, сатира и пр. Стилизация – это не воскрешение в памяти и воспроизведение, а воссоздание прошлого в новом, «стаффажном», как выражается Вс. Петров, облике, придание известным страницам истории нового звучания, более яркого и условного.

Как и сами модернистские и художественные журналы, без которых немислима художественно-выставочная жизнь первой половины XX в., увы, не попала в поле внимания исследовательницы и кое-какая недавняя научная литература об этих журналах, такая, к примеру, как труды П.В. Дмитриева и его коллег⁵, объединённых изучением модернистской художественной критики. В этих работах тоже сконцентрирован важный опыт по осмыслению искусствоведческой прозы. Неплохо было бы вспомнить и о том, что существуют серьезные современные искусствоведческие монографии, где культура художественного модернизма встроена в контекст европейской словесной и литературной культуры. Назовем лишь сборник «Оскар Уайльд. Обри Бердслей», изданный ГМИИ им. А.С. Пушкина⁶ и целиком посвященный английскому эстетизму в России рубежа веков. Если иметь в виду эти работы, то окажется, что не только Пушкин, Гоголь и Достоевский повлияли на прозу, критику, выставочную и журнальную деятельность Бенуа, Добужинского и Коровина, но и, например, ироничный эстетский стиль «The Yellow Book», «The Savoy», О. Уайльда и О. Бердслея с их вниманием к позе, детали, виньетке, костюму, вещи и линии и мн. др. западные журналы, журналисты, писатели, художники и литературные группы.

Тогда окажется, что словесные пейзажи и портреты в прозе русских художников XX в. имеют свою традицию изучения. Здесь не так важен пересказ текста, который предлагает Алёна Вадимовна Галькова, важнее применить жанровое мышление. Так, мирискусники и М. Кузмин разрабатывают жанр словесной ведуты, совмещающий традицию живописной ведуты и жанра прогулок, берущий начало в литературе XVIII-начала XIX вв. (любимая эпоха Бенуа). Под влиянием «Прогулки в Академию Художеств» К.Н. Батюшкова построены многие пассажи в истории живописи и в воспоминаниях Бенуа, с этой же традицией (чуть более косвенно) связан и К. Коровин, столько внимания в своих мемуарах уделивший русскому художественному образованию, которое интенсивно обновлялось в начале XX в. Прогулка-ведута – лишь один пример из того многого, что уже намечено в изучении искусствоведческой прозы.

⁴ Петров Вс. Мир искусства М.: Изобразительное искусство, 1975. 248 с.

⁵ См.: Аполлоновский сборник. СПб: Реноме. 2015. 168 с. и др.

⁶ Оскар Уайльд. Обри Бердслей. Взгляд из России. М.: ГМИИ им. А.С.Пушкина, 2014. 314 с.

Что касается поэтики текстов словесных, то поиск новых художественных приемов в автобиографической мемуаристике не становится целью данной диссертации. Основной **исследовательский метод**, представленный во всех главах работы, можно определить как уже упомянутый выше пересказ художественного текста с акцентированием и вольной интерпретацией отдельных тем, с вычленением референтных писательских имен, значимых для мировоззрения выбранных художников. В прозе художников А.В. Галькова подчеркивает темы прошлого, русской литературы (Пушкин, Достоевский, Гоголь), петербургский текст. И все-таки, на наш взгляд, диссертационное литературоведческое исследование должно продвигаться хотя бы чуть дальше содержания исследуемых произведений – к тропике, к разного рода приемам, которые можно отыскать в текстах. Нельзя сказать, что речь об этом в диссертации совсем не идет, художественные приемы, конечно, упоминаются, но вскользь, автор диссертации захвачен содержанием, и в результате аналитика уходит на второй план.

Приемы, играющие первостепенную роль в прозе мирискусников (оставим в стороне Коровина, его воспоминания имеют совсем иную природу, нежели воспоминания Бенуа и Добужинского), назвать не трудно.

Во-первых, сильный автобиографический план текста. Это одно из главных положений диссертации. Только автобиографический план А.В. Галькова понимает исключительно как тему автора, его рассказ о самом себе. Но если рассматривать автобиографизм не как тему, а как черту поэтики текста, то это внедрение авторской точки зрения или биографических деталей в описательный и повествовательный пласт, причем автобиографические детали или авторская точка зрения могут то демонстративно обнажаться, то «прятаться», нивелироваться тогда, когда это необходимо автору. Автобиографизм отмечен, а игры в обнажение и сокрытие авторского плана, то есть динамика текста, ушли от внимания автора диссертации.

Во-вторых, композиция мирискуснических текстов моделирует взаимодействие разного рода рамок и внерамочного пространства. Проза художника – это выставка картин в рамках и движение этих картин, их переключки. В главе о пейзаже диссертантка обращает внимание на то, что любимый мотив Бенуа – изображение вида из окна, причем этот мотив объединяет живопись и словесное творчество художника. Если вдуматься, то перед нами больше, чем мотив. Описание или изображение на полотне вида из окна позволяет добиться взаимосоотнесенности пространств: внешнего и внутреннего, культурного и природного, заключить одно в рамку другого, разглядывать одно «сквозь призму» другого (это выражение – «сквозь призму» несколько раз удачно использует автор диссертации). Есть целый ряд и других, аналогичных приемов совмещения пространств: любимые Бенуа мотивы театра (мир на сцене), детских игр (имитация детьми мира взрослых), мотивы книги и чтения (условный, книжный, литературный мир). В конце концов, рамкой (или даже призмой) друг для друга является автор и то, что он изображает.

Методологическим просчётом диссертационного текста нам кажется традиционная для советского литературоведения привязка к реальности и реализму как высшей ценности всего и вся: «Мемуарно-автобиографические произведения русских художников первой волны эмиграции А. Н. Бенуа, М. В. Добужинского и К. А. Коровина в контексте автобиографической прозы русского зарубежья представляют собой в основе реалистические тексты» (с. 42 диссертации), – уверена диссертантка. А вот любая искусствоведческая работа о Бенуа и «Мире искусства» (хотя бы монография того же Вс.

Петрова 1975 г.) начинается с обратного утверждения: реальность, реализм, натурализм, академизм (имеется в виду академический, то есть точно воспроизведенный с природы, рисунок) – это понятия, которые Бенуа и мирискусники абсолютно не принимали и неустанно боролись за то, чтобы исключить сверхценность «реальности» и копирования реальности в художественной и просто в просвещенной среде⁷.

В противостоянии «реализму» мирискусники видели своё предназначение. Само заглавие «Мир искусства» – это не просто первое попавшееся словосочетание, выбранное для названия журнала и направления, а концепция. «Мир искусства» означает антиреальность, другую реальность, мир, созданный творцом в противовес реальности, «вторичную моделирующую систему», как в 1970-е это назвали бы литературоведы тартуской школы. «Мир искусства» – это иной, возможный, созданный воображением и мастерством художника, а не действительно существующий мир. Отсюда рамки, «окна», театр, игра, условные графические виньетки (превращающие журнальную страницу в сцену), условное, «этикетное», стилизованное изображение других эпох и различных художественных манер, отсюда символичность изображаемого и детальность изображений.

Представления о безусловной ценности реальности иногда настолько подводят диссертантку, что порой и в диссертации, и реферате появляются утверждения, которые невозможно воспринимать серьезно. Вот лишь один такой пример, А.В. Галькова пишет: «Имя М.А. Кузмина вообще затронуто в связи с поднятой Бенуа темой “однополой любви” его друзей “Сережи”, “Валечки” и “Кости” (С.П. Дягилева, В.Ф. Нувеля, К.А. Сомова), о которой они сами говорили “с оттенком какой-то пропаганды прозелитизма”, что, безусловно, неприятно действовало на героя-семьянина. В сущности словесный образ М.А. Кузмина несет на себе оттенок иронии / пренебрежения автора-повествователя и более похож на шута, так как в поэте проницательный художник-повествователь увидел только напускную “ауру”, образ поэта – это только тенденция к стилизации, она очевидна и неубедительна. К тому же образ К.А. Кузмина представляет для мемуариста не индивидуально-личный, а обобщенный тип, один из “легиона” поэтов, “шутков гороховых”, которые народились также среди музыкантов и художников. Персонаж предстает как кукла (художник любил использовать прием уподобления человеческого существа марионетке) в силу бездуховности, бескрылости его творчества, в котором отсутствуют высокие идеалы...» (стр. 170 диссертации).

Безусловно, хорошо, что исследовательница цитирует как раз тот отрывок, который был купирован в советском издании воспоминаний Бенуа, жаль только, что интерпретирует его А.В. Галькова не в духе эстетики мирискусников, а в духе соцреалистической критики. Мы посоветовали бы диссертантке поинтересоваться прозаическим наследием Кузмина, его дневниками, а заодно и поэзией, чтобы убедиться, насколько мир Кузмина близок Бенуа и «Миру искусства». Возможно, портрет Кузмина в книге Бенуа шутлив и ироничен, но уж всем нам-то точно не позволительно всерьез говорить о «бездуховности творчества Кузмина», и не стоит даже думать о том, что непревзойденный мастер стилизации – Бенуа в творчестве другого столь же виртуозного стилизатора – Кузмина действительно видит «напускную ауру», «бездуховность» и «бескрылость», даже если подобные шутки проскальзывают в цитате. Не надо буквально

---

⁷ Термина «реализм» не чуждался Добужинский, но употреблял его совсем не в том значении, которое сформировало официальное советское литературоведение и искусствознание и которое усвоено диссертанткой.

воспринимать дружеский шарж Бенуа на Кузмина и повторять остроты Бенуа в модальности научного умозаключения. Кстати, шутовство, арлекинада, чудачества, маски, марионетки, наряды, метаморфозы (и метаморфозы пола в том числе), «бесцельность» и легкость очень ценились в «Мире искусства», вспомним хотя бы, сколь значим мотив детских игрушек, игр, масок, шуток, переодеваний в «Моих воспоминаниях» Бенуа.

В подходе к таким произведениям, как тексты Бенуа, Добужинского, Коровина, необходимо знание культурного контекста, как раз этого знания, как нам кажется, несколько недостает соискательнице, отсюда житейские и бытовые интерпретации. Даже в такой мелочи, как «Азбука “Мира искусства”» Добужинского (1911), диссертантка не улавливает цитаты: юмористическое собрание портретов в «Азбуке...» Добужинского пародирует нарисованные игрушки и театральные игровые сценки детской «Азбуки» Бенуа 1904 г.

Работу могло бы украсить и обнаружение связей между теоретическими поисками художников и новациями поэтической культуры начала XX в., ведь в воспоминаниях художников-эмигрантов представлена вся парадигма символистского и акмеистического искусства: вещь, «таинственный город» – Петербург и его «игрушечные» пригороды, парки и пр. Но лишь раз в диссертации мелькает упоминание «Поэмы без героя» А. Ахматовой...

Кстати, немного ироничный портрет Кузмина у Бенуа, скорее всего, связан с мелкими теоретическими расхождениями, которые возникали между мирискусниками и их прямыми последователями, акмеистами, обновившими теоретические положения «Мира искусства» на страницах «Аполлона»⁸. Это был яростный теоретический спор о деталях исключительно близких друг другу эстетов, спор внутри одного направления, а вовсе не «моральное осуждение» гомозротики Кузмина добропорядочным «семьянином» Бенуа, как нам пытается представить это диссертантка. К тому же Кузмин был не одним из «легиона», а единственным в своем роде и таланте поэтом из селективной и немногочисленной группы акмеистов, и Бенуа не мог не ценить того, кто вдохновлял К. Сомова, Н. Феофилактова и других мирискусников и близких «Миру искусства» художников.

Итак, **главным достоинством работы** является то, что тема исследования **актуальна** и вводит в литературоведческий оборот малоизученные в литературоведческом аспекте тексты художников-эмигрантов, но многое в работе, на наш взгляд, требует все же переосмысления и доработки.

Тем не менее, рассматриваемая диссертация является **завершенным исследованием**, в котором поставлены **обоснованные и достоверные научные положения**, и в конце которого **даны выводы и намечены дальнейшие перспективы**. **Результаты работы были апробированы** на международных научных конференциях молодых ученых (Томск) и опубликованы в 5-ти публикациях (из них 4 в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук). **Результаты и выводы** могут быть использованы в практике преподавания в вузах при

---

⁸ По сути, акмеистическая и постакмеистическая теория (в лице Б. Анрепа, Н. Радлова, Вс. Дмитриева, Н.Н. Пунина) сделала легкий наклон от символизма, в рамках которого возникло направление "Мир искусства", к авангарду, что вызывало иногда недоумение или раздражение мирискусников. Подробно об этом см.: *Дмитриев П.* Литературно-художественный ежемесячник «Аполлон» (1909-1918) как русский национальный проект. Заметки к теме // Аполлоновский сборник. СПб.: Реноме, 2015. С. 124-134.

чтении курсов лекций по истории русской литературы Серебряного века, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий, что определяет **практическую значимость** исследования.

Количество и качество проделанной работы, ее стиль, изложение результатов на 254 стр., адекватное представление текста в автореферате и 5-ти публикациях – все это отвечает критериям пп. 9-11 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, редакция от 01.10.2018), предъявляемым к кандидатским диссертациям. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что Алёне Вадимовне Гальковой удалось решить **следующие задачи** – рассмотреть три объемных по содержанию памятника мемуарно-биографической прозы художников-эмигрантов (А. Бенуа, М. Добужинского и К. Коровина), выделить и интерпретировать их основные темы. Диссертация является научно-квалификационной работой, её задачи имеют значение для развития такой литературоведческой области, как история русской литературы XX в., а автор диссертации «Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, К.А. Коровин)» Алёна Вадимовна Галькова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература (филологические науки).

Отзыв, составленный доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института филологии СО РАН Еленой Юрьевной Куликовой (специальность 10.01.01 – Русская литература (филологические науки)), обсужден и утвержден на заседании сектора литературоведения Института филологии СО РАН 26 ноября 2018 г., что нашло отражение в протоколе № 7.

Заведующий сектором литературоведения
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт филологии
Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН)
(630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
тел./факс: (383) 330-15-18, ifl@philology.nsc.ru,
<http://www.philology.nsc.ru/>),
доктор филологических наук, профессор

Игорь Витальевич Силантьев

Подпись И.В. Силантьева заверяю.

Начальник отдела кадров
ИФЛ СО РАН

Э. Б. Зульфигарова

«26» ноября 2018 г.